

Мироощущение провинциального интеллигента времени Большого террора: несколько документальных штрихов к портрету челябинского краеведа П. В. Мещерякова

М. А. Базанов

Объединенный государственный архив Челябинской области (ГУ ОГАЧО), Челябинск, Россия

Представлена публикация двух документов — апелляционного заявления о восстановлении в ВКП(б) и сопроводительного письма к нему челябинского краеведа Петра Васильевича Мещерякова (1904—1960). Формально относящееся к числу делопроизводственных документов, заявление столь наполнено описанием психологических переживаний автора и деталями его жизненного пути, что в равной степени может рассматриваться и как специфический жанр автобиографии. Документ передает эмоциональные переживания провинциального советского интеллектуала, накануне Большого террора оказавшегося исключенным из партии по формальному основанию — из-за трехмесячного пребывания его отца на службе в полиции в 1906 г. П. В. Мещеряков детально описывает профессиональные неудачи, ставшие следствием этого исключения и приведшие его в итоге к безработице. Он указывает, что основным мотивом его творческой деятельности после исключения стало стремление восстановить свою репутацию перед партийными органами. Раскрывает источник и его сложное, неоднозначное отношение к политическим репрессиям. Сопроводительное письмо дополняет гамму переживаний автора. В целом же представленные документы иллюстрируют культурные практики коммуникаций с властью и раскрывают то психологическое состояние, в котором оказалась часть советских интеллектуалов в годы Большого террора.

Ключевые слова: *Петр Васильевич Мещеряков, советская субъективность, апелляция, автобиография, Большой террор, Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), исключение из партии, восстановление в партии, чистка, враг народа, вредительство, краеведение.*

Петр Васильевич Мещеряков (1904—1960) — фигура известная и в то же время явно недооцененная. Если не считать публикаций в справочниках и энциклопедиях, его биографии посвящены всего лишь две статьи [Боже, 1997; Базанов, 2019], содержащие немало лакун. При этом заметим, речь идет о самом крупном челябинском краеведе 1930—1950-х гг., в последние годы своей жизни занимавшем должность директора Челябинского областного краеведческого музея. Можно выявить и объяснить несколько причин такого положения вещей. Во-первых, состояние источниковой базы — в архивах не сохранилось личного фонда П. В. Мещерякова. Во-вторых, высокая степень идеологизированности его работ отрицательно сказалась на их актуальности после крушения советской системы. В-третьих, напряженные отношения Мещерякова с коллегами [см.: Боже, 1997, с. 64, 69—70], не позволили оставить после себя круга учеников, соратников и почитателей. Однако по прошествии времени личные обиды все менее затрагивают исследователей, идеологическая составляющая трудов представляется уже не столь важной, а вот явный недостаток источников продолжает оказывать негативное воздействие на работу исследователей. Публикуемый ниже документ позволяет хотя бы

отчасти понять обстоятельства жизненного пути этого человека.

Формально апелляционное заявление о восстановлении в партии следовало бы отнести к делопроизводственным источникам. Однако делопроизводственные документы (в привычном для нас понимании) не служат целям личностной коммуникации, в то время как значительную (если не большую) часть апелляции занимает описание внутреннего психологического состояния автора, совмещенного с болезненным самоанализом и некоторой долей самокритики. Фактически перед нами автобиография П. В. Мещерякова, пусть даже неполная и тенденциозная, сосредоточенная исключительно на доказательствах своей лояльности советскому строю. Она охватывает практически всю его жизнь — разговор о себе он начинает с описания условий существования своей семьи (родителей, братьев и сестер), а завершает упоминанием о предпринятой им попытке устроиться на работу в архив (он будет зачислен туда как сотрудник в течение одной — двух недель после составления письма).

В пользу такого отождествления говорит и яркий эмоциональный настрой документа, не характерный для простых делопроизводственных документов. Автор явно находился в состоянии

крайнего нервного напряжения. Помимо обильного использования экспрессивной и просторечной лексики («квашня закисла», «солоно» и т. д.) при явственно малой доли канцеляризма, наличия самоповторов, это отразилось и на его внешних особенностях. Так, в нем присутствуют многочисленные опiski и их исправления¹.

Для выделения смысловых фрагментов текста П. В. Мещеряков использует сразу несколько приемов: часть фраз набрана прописными буквами, часть напечатана с нижним подчеркиванием, в части фрагментов он комбинировал оба этих приема; при этом остаются неясными мотивы выбора того или иного способа передачи текста и его смысловой нагрузки.

К апелляции прилагалось написанное от руки сопроводительное письмо, в котором П. В. Мещеряков следующим образом описывал свое состояние: «Я буквально превратился в живой труп (предложение в документе подчеркнуто от руки — М. Б.). Меня морально угнетает быть паразитом, жить за счет перенапряжения сил своей жены и быть плохим примером бездельника для своих детей-учащихся. <...> Наконец, у меня уже ничего нет из моих вещей для продажи, многое уже продано» (см. документ № 2). Наконец, он даже неверно датирует это письмо — ставит рядом со своей подписью 22 февраля 1937 г., хотя начинается оно со ссылок на постановление, принятое на пленуме ЦК ВКП(б) в январе 1938 г., а на письме стоит отметка о получении с датой — 25 января 1938 г.

Появление эго-источников такого рода стало возможным благодаря формированию специфической советской субъективности, в рамках которой личность осознала себя в качестве единицы большого коллектива, в свою очередь являвшегося субъектом грандиозных исторических преобразований планетарного масштаба [см.: Хорхордин, 2016; Хелльбек, 2017]. Это породило иное, отличное от современных восприятий, представление о соотношении индивидуального и публичного. Советские люди считали нормой передавать свои личные дневники для чтения другим людям, выслушивая затем их замечания о собственных записях. Пожалуй, наиболее известным ярким порождением этой культурной ситуации можно назвать дневник драматурга А. Н. Афиногенова,

¹ Для читателей заметим, что в соответствии с общепринятыми правилами издания исторических документов при передаче текста все опечатки и простые орфографические ошибки исправлялись без оговорок. Не оговариваются и авторские исправления подобных опечаток и ошибок, если таковые не несли на себе смысловую нагрузку.

в котором он, ожидая ареста, записывал сценарий своего возможного разговора со следователем НКВД, имитируя при этом протокол допроса задержанного [Венякин, 2010; Хелльбек, 2017, с. 327—392].

И апелляция П. В. Мещерякова, и дневниковые записи А. Н. Афиногенова объединяет один и тот же мотив оправдания себя перед неким суровым внешним судьей (партия, органы госбезопасности), причем оправданию подлежал весь их жизненный путь, а не только один отдельный его эпизод или действия. Интересно отметить, что П. В. Мещеряков вынужден оправдывать не только себя, но и своего отца, что приводит к любопытному столкновению в тексте моральных ориентиров «старого мира» и эталонного «советского человека». Пьянство и халатное отношение отца к должностным обязанностям расцениваются как проявление добродетели, в то время как стремление дяди помочь своему брату изображаются в качестве преступной попытки «замазать» сотрудничеством с царским режимом, отторгнуть разоряющегося крестьянина-середняка от предначертанного ему пути возможного сотрудничества с социалистическим движением.

Но самой существенной деталью источника представляется то, что автора раскрывает мотивы своей творческой деятельности: оправдание, демонстрация лояльности перед партией, предпринимаемая в надежде на возможное будущее восстановление в ней. Конечно, подобные соображения не противоречат и не исключают личных пристрастий и интересов, простого увлечения историей как научной дисциплиной. Можно даже заподозрить автора в неискренности, поиске «лишнего» аргумента в пользу своего восстановления в партии. Однако если предположить, что П. В. Мещеряков точно указывает руководящие им мотивы, то следствием их должна была бы стать крайняя идеологизация его текстов — и ее можно проследить на протяжении всего его последующего творчества [см.: Боже, 1997, с. 66—67; Базанов, 2019, с. 32—34].

Неизбежно в апелляционном заявлении возникает тема политических репрессий. Во многом это предопределено тем, что само обращение было вызвано к жизни постановлением пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недочетов»², впервые опубликованным

² См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 7. 1938—1945. М., 1986. С. 8—17.

19 января 1938 г. в газете «Правда». Об этом П. В. Мещеряков напрямую говорит в своем сопроводительном письме. Именно в постановлении шла речь о необходимости «разглядеть и разоблачить замаскированного врага, старающегося криками о бдительности замаскировать свою враждебность и сохраниться в рядах партии — это, во-первых — и, во-вторых, стремящегося путем проведения мер репрессий — перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах»¹.

П. В. Мещеряков был исключен из ВКП(б) в декабре 1935 г., а в октябре 1937 г. по обвинению в организации антисоветской террористической организации был арестован первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б) К. В. Рындин. Вместе с ним по тому же делу прошли и ряд других руководящих работников области [см: Королёв, 2004]. П. В. Мещеряков, указывая на эти обстоятельства, объяснял свое исключение из партии деятельностью «врагов народа» и на этом основании требовал восстановления членства в ВКП(б).

Впрочем, в том же сопроводительном письме говорится, что текст апелляции якобы был составлен «задолго» до вышеупомянутого постановления пленума, однако это представляется сомнительным. Во-первых, весьма маловероятно, что основные идеи, заложенные в апелляции, оказались признаны на самом вершуре именно в тот момент, когда текст ее был закончен, и оставалось всего лишь перепечатать его на пишущей машинке. Во-вторых, заметно совпадение лексики обоих документов (часто с негативными коннотациями повторяется слово «бдительность», фраза «формальное и бездушно-бюрократическое отношение к членам партии» в постановлении явно трансформировалась в жалобы П. В. Мещерякова на лиц, которые «орудовали формально, бездушно, бюрократически», можно найти и другие примеры). В то же время большой объем апелляции и скорость, с которой она должна была быть написана (25 января 1938 г., согласно рукописной помете на документе, ее уже получили в Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Челябинской области) косвенно свидетельствуют о том, что в основе ее, скорее всего, лежит заранее составленный текст. Вероятно, П. В. Мещеряков переписал его, сообразуясь с новыми обстоятельствами, что и имел в виду в своем сопроводительном письме.

Более любопытным представляется то, как автор апелляции описывает свои приятельские

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюция и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК... С. 13.

отношения с арестованным НКВД художником-самоучкой Штепой². П. В. Мещеряков настолько уверен в своем «идеологическом чутье», что без всякой доли сомнения заявляет, что тот подвергся аресту «не как художник», хотя при этом, как это следует из текста, ему ничего не известно о предъявленных Штепе обвинениях. Более того, он описывает арестованного с нескрываемой симпатией и даже допускает высказывание, содержащее в себе сомнение в обоснованности обвинений. Заметим, что написано это было еще до ухода со своего поста в ноябре 1938 г. Н. И. Ежова и последовавшего вслед за этим по инициативе Л. П. Берии освобождения части арестованных и осужденных лиц. Поступок, безусловно, смелый, и демонстрирующий довольно сложные представления автора о ходе репрессивной политики государства. Фактически П. В. Мещеряков заявляет о том, что можно совершить преступление в одной из сфер своей деятельности, но при этом быть вполне лояльным советским гражданином в другой. Вкупе с почерпнутой им из вышеуказанного постановления пленума ЦК ВКП(б) идеей о наличии необоснованно исключенных из партии как результате работы «врагов народа» (а вскоре подобная деятельность «врагов народа» «внезапно» обнаружится и среди сотрудников органов госбезопасности) это должно составлять крайне противоречивую картину борьбы со «вредителями». Впрочем, здесь вновь возникает вопрос о степени искренности автора, на который невозможно ответить в условиях отсутствия источников личного происхождения.

Апелляция П. В. Мещерякова была рассмотрена 11 апреля 1938 г. на заседании бюро Челябинского обкома ВКП(б). В восстановлении в рядах партии ему было отказано³. Впрочем, к тому времени П. В. Мещеряков перестал быть безработным. В феврале 1938 г. его официально приняли на должность научного сотрудника Архива Октябрьской революции Челябинской области с зарплатой в 500 руб. (что в то время равнялось зарплате доцента Челябинского педагогического института), по совместительству он преподавал в школе для взрослых при Челябинском тракторном заводе, где получал еще 209 руб.⁴

² Следственное дело Штепы на хранение в Объединенный государственный архив Челябинской области не передавалось. Помимо приводимых в документе сведений иной биографической информации об этом лице выявить не удалось.

³ ОГАЧО. Ф. П-288 «Челябинский областной комитет КПСС». Оп. 74. Д. 1843. Л. 1—1об.

⁴ Там же. Л. 4об.

После поступления на работу в архивную службу в жизни автора начался недолгий, но очень яркий период творческого расцвета, фактически пик его активности как историка-исследователя местного края. По-видимому, вновь вступили в свою силу его прежние соображения о возможности реабилитировать себя в глазах партии очередными научными изысканиями. После увольнения в 1943 г. из архива его творческая активность вновь пошла на спад. Восстановиться в партии П. В. Мещерякову удастся лишь после XX съезда КПСС [см.: Боже, 1997, с. 69]. Созданная же им апелляция продолжает оставаться важным источником информации

о культурной и психологической атмосфере эпохи Большого террора в российской провинции.

Текст источника воспроизводится в соответствии с «Правилами издания исторических документов» [Правила..., 1990], принятыми в 1990 г. В документе сохранена авторская разбивка на абзацы. Без оговорок были исправлены лишь явные орфографические и пунктуационные ошибки, опечатки, приведено в соответствии с современными нормами написание отдельных слов. Сохранены стилистические особенности текста. Восстановленные по смыслу слова и части слов воспроизводятся в квадратных скобках.

№ 1

Апелляция П. В. Мещерякова в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Челябинской области о восстановлении его в рядах ВКП(б)

Не ранее 19 января — не позднее 25 января 1938 г.¹

В Челябинскую областную комиссию партийного контроля

От бывшего члена ВКП(б) с 1927 г. Мещерякова П. В.

Апелляция²

Волей презреннейших и подлейших врагов народа Апасова³ и Рындина⁴ я был исключен из рядов

¹ Датируется по сопроводительному письму (см. документ № 2).

² Здесь и далее в документе апелляция.

³ Апасов Николай Иванович (27.07.1901 — 19.07.1938), хозяйственный и партийный руководитель. Окончил Московское высшее техническое училище (1925). Член РКП(б) с сентября 1919 г. В 1914—1915 гг. работал в водопроводной конторе «Мюр и Мерлиз» (Москва). В 1915—1918 гг. ученик слесаря, слесарь завода «Перенуд» (Москва). В 1918—1920 гг. проходил службу в Красной армии. В 1920 г. интернирован в Германию, находился в лагере Байрейт. В 1921—1924 гг. слесарь на обувной фабрике им. Слободина (Москва). В 1924—1925 гг. инструктор Бауманского райкома РЛКСМ (Москва). В 1925—1927 гг. секретарь ячейки ВКП(б) фабрики «Красная заря» (Москва). В 1927—1931 гг. секретарь парткома электростанции им. В. В. Куйбышева (Москва). В 1931—1934 гг. секретарь Подольского горкома ВКП(б) (Московская область). В феврале — мае 1934 г. работник Челябинского обкома ВКП(б). В 1934—1935 гг. секретарь Первого (Челябинск) райкома ВКП(б). В 1935—1936 гг. второй секретарь Челябинского горкома ВКП(б). С января 1936 г. секретарь Златоустовского горкома ВКП(б). В сентябре 1937 г. арестован органами НКВД. Приговорен к расстрелу военной коллегией Верховного суда СССР за активное участие в контрреволюционной организации во главе с первым секретарем Челябинского обкома ВКП(б) К. В. Рындиным. Реабилитирован решением Верховного суда СССР в феврале 1955 г. (ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 66. Д. 220. Л. 1—21; Оп. 190. Д. 718. Л. 1—7; Ф. Р-467 «Управление Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР по Челябинской области». Оп. 3. Д. 1467. Л. 1—114; Д. 1468. Л. 1—241; Д. 1469. Л. 1—83).

⁴ Рындин Кузьма Васильевич [11(23).08.1893 — 10.02.1938], партийный деятель, участник революционного движения. Работал на железной дороге, с 1914 г. на Симском железодельном заводе. С 1915 г. член РСДРП. В 1916 г. участвовал в революционной маевке. Опасаясь ареста, выехал в Ревду, поступил слесарем на металлургический завод. В Нижнем Тагиле создал нелегальный молодежный кружок. В 1917 г. возглавил Симский комитет РСДРП(б) и ревком, вошел в состав Уфимского губисполкома. Находился на подпольной работе в тылу войск адмирала А. В. Колчака; организатор партизанского движения. В 1919 г. председатель Уфимского губчека, член губкома РКП(б), губисполкома. В 1920 г. вел политработу в Красной армии. В 1921—1922 гг. секретарь Златоустовского уездного комитета партии, председатель уездного исполкома. В 1923 г. секретарь Лысьвенского райкома РКП(б), в 1924—1925 гг. секретарь Нижнетагильского, в 1925—1926 гг. — Пермского окружкомов, в 1927 г. — Уральского обкома ВКП(б). В 1928 г. ответственный инструктор ЦК ВКП(б). В 1929 г. председатель Московской областной контрольной комиссии ВКП(б), заведующий областного РКП. С 1930 г. член ЦК ВКП(б). Второй секретарь Московского областного и городского комитета ВКП(б) (1930—1932). В 1933 г. возглавил Нижнетагильский райком партии. С января 1934 г. — первый секретарь Челябинского обкома и горкома ВКП(б). Был награжден орденом Ленина (1936). Арестован 12 октября 1937 г., приговорен

ВКП(б) при проверке партдокументов в январе 1936 года¹. Теперь мне ясно: прикрываясь показанной² бдительностью враги народа, стоявшие у руководства, прикрывали свою вражескую работу по разрушению социалистического строя — исключением из рядов ВКП(б) преданных честных людей, не имевших ни одного преступления перед партией, правительством и народом, но людей выходцев из рядов интеллигенции, выходцев из другого класса, или людей, у которых была формально придирка в происхождении³.

Так случилось со мной.

Меня исключили из ВКП(б) за отца, а не за мои действия⁴.

Меня исключили за то, что отец в 1906 году, т. е. тогда, когда мне было всего два года, прослужил несколько месяцев в полиции. Мне был приписан обман партии и меня исключили бездушно, нарушив соблюдение элементарных правил внутрипартийной демократии. Уже не говоря о том, что в низовой партийной организации вопрос не ставился на обсуждение, меня даже не пригласили для обсуждения на бюро горкома, и исключили заочно⁵. Не задали по поводу меня ни одного вопроса присутствующему при этом партотделу. Напрасно я писал объяснение бюро горкома ВКП(б), чтоб при разборе моего вопроса отнеслись неформально, чутко, т. к. по этому поводу меня уже дважды исключали из ВКП(б)⁶ — первый раз задолго до чистки 1933 г., а второй раз на чистке партии в 1933 г., что 2-х кратном разборе моего дела не подтверждался обман партии. Но это мое⁷ заявление для⁸ врагов народа было бесполезно — удобный случай приписать скрытие и тем самым еще раз подчеркнуть свою бдительность, тем самым закрыть, замазать свою подлейшую работу по измене Родине. Напрасна была моя жалоба к Рындину, она осталась без ответа, да и понятно почему[,] Рындин-Апасов это была одна шайка бандитов. А я-то питал надежду на то, что он[,]⁹ член ЦК[,] чутко подойдет, вызовет меня, или поручит кому-либо разобрать мое дело о партийности, об обстоятельствах исключения. И было это как раз уже тогда, когда Иосиф Виссарионович Сталин сказал ясно, четко: «Дети не отвечают за поступки своих родителей»¹⁰.

Но моя жалоба была напрасно, как теперь оказалось, к врагу народа. Я не был для них полезен. В моей биографии не было ни минуты за 12-летнее пребывание в рядах партии отклонений от генеральной линии партии. К чему для них такой человек? А нажить капитал насчет¹¹ бдительности — самый удобный случай.

Так я стал вне партии. Я рассматривал после, что, видимо, так и нужно, видимо, есть указания от ЦК, что наступил такой период, когда я стал бременем для партии. Я теперь этих мыслей боюсь, страшусь. Их нелепость очевидна, но я передаю честно о том, какими наполнился я чувствами. И я примирился. Однако мысль [об] апелляции меня никогда не оставляла, я возврат в партию хотел заработать честным, преданным трудом¹². Я думал — мою работу заметят, мне¹³ скажут, чтоб я апеллировал. Но так не вышло.

Исключение из ВКП(б) отразилось на моей работе. Мне не стали давать работать¹⁴. По мотивам, как бывшего члена ВКП(б), меня неоднократно снимают с работы, проявляют недоверие, пока наконец, не

к расстрелу. В 1956 г. реабилитирован (Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Т. 5. Челябинск, 2008. С. 682).

¹ Неточность, согласно документам исключение П. В. Мещерякова из ВКП(б) официально было оформлено решением бюро Челябинского горкома ВКП(б) 23 декабря 1935 г. (ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 74. Д. 1843. Л. 1об).

² Так в документе.

³ Так в документе.

⁴ Предложение напечатано прописными буквами.

⁵ Фраза «меня даже не пригласили для обсуждения на бюро горкома, и исключили заочно» напечатана прописными буквами.

⁶ Фраза «я писал объяснение бюро горкома ВКП(б), чтоб при разборе моего вопроса отнеслись неформально, чутко, т. к. по этому поводу меня уже дважды исключали из ВКП(б)» напечатана прописными буквами.

⁷ Слово мое вписано поверх строки.

⁸ Слово для вписано поверх строки.

⁹ Слово он вписано поверх строки. Имеется в виду К. В. Рындин, входивший в состав ЦК ВКП(б).

¹⁰ Предложение напечатано прописными буквами. Скорее всего, имеется в виду произнесенная И. В. Сталиным на совещании передовых комбайнеров 1 декабря 1935 г. фраза «Сын за отца не отвечает» (Правда. 1935. 4 декабря).

¹¹ Так в документе.

¹² Фраза «мысль апелляции меня никогда не оставляла, я возврат в партию хотел заработать честным, преданным трудом» напечатана прописными буквами.

¹³ Далее зачеркнуто предложат.

¹⁴ Предложение напечатано прописными буквами.

превратив меня честного человека, в политической неблагонадежности, а за немногим и в «Шпиона»¹. Так ком все нанизывался и нанизывался². Всякие надежды на честный труд, на чуткое отношение к человеку неверно исключенному, на то, что меня заметят, как преданного партии, не сбылись. Всякие надежды начать апелляцию через низовую парторганизацию на протяжении двух лет не удавались³. Вот почему я решил, что это был мой ложный путь⁴, что необходимо обратиться непосредственно, что необходимо разрубить раз [и] навсегда⁵ тяжелое пятно, наложенное на меня врагами народа. Может быть, слишком запоздала моя апелляция, но я не был инертным, я подавал в свое время, но все осталось без ответа.

О моих родителях⁶

Отец крестьянин средняк с. Воскресенского Воскресенского района Челябинской области (ныне с. Кирово Кировского района)⁷. Мать беднячка из деревни Щучьей Мишкинского района (смотрите справку о социальном происхождении в деле о восстановлении в 1933 г.). Кроме дома да коровы отец ничего не имел. Сельским хозяйством почти не занимался, т. к. не было тягловой силы. Уже в моей памяти сохранился случай[:] в 1911 или в 1912 году, когда единственная лошадь пропадает. После этого отец не смог завести лошади. Имея надел земли в 8—10 десятин и не имея возможности ее обрабатывать отец или продает землю, или отдает в пользование родственникам, выговаривая при этом о незначительном посеве за пользование землей с некоторой денежной еще приплатой, хлеб убирался своими силами. Для характеристики этого момента я прилагаю случайно сохранившееся письмо родственника Аксенова Ф. к отцу⁸. Мало того, что своими силами убирался урожай, мать и сестра еще нанимались во время уборки хлеба в люди. Так, помню 1913 год, когда вместе с матерью и сестрой даже я, девятилетний мальчик, работаю у местного попа Малкова на уборке хлеба, а затем на молотбе в качестве коногонщика.

И если отец не смог заняться сельским хозяйством, т. к. для этого не было ни материальной базы, ни тягловой силы, то он стремился выйти в «Люди»⁹. Этому способствует его старший брат «вечный» волостной писарь. Старший брат выступает перед моим отцом как «благодетель», «покровитель». Это он использует свое положение в органах полиции в чине урядника¹⁰. Однако недолго продолжилась работа отца в полиции. Видимо, не по душе пошел он туда. Следствием¹¹ этого он к работе относился халатно. Политические ссыльные получают посылки с паспортами и проч[ее,] бегут¹², он мер никаких не принимает. Смотри об этом показания свидетелей при разборе моей апелляции. К довершению халатного отношения к обязанностям отец скомпрометировал свой полицейский чин в пьяном виде. В результате отца арестуют, с работы снимают и направляют в Челябинск, где он около двух месяцев сидит в арестантской жандармской тюрьме. Только ли это послужило для ареста и снятия с работы отца или еще какие-либо другие причины, мне неизвестно, да и не знают об этом старики, помнящие отца.

Об отце крестьянине отзывались положительно за то, что он не отделял себя от них, а более жил интересами крестьян, как они¹³ говорят: «Без разбору вместе с бедняком и богатым мужиком пил», писал жалобы, прошения бедноте в их тяжбах с богачами и т. д.

Все благодаря «высокому покровительству» старшего брата волостного писаря отец после отбытия ареста с перерывами до 1912 года работает волостным письмоводителем. Жалование было незначительное, жили плохо. Дом приходилось отцу сдавать под квартиру почтового отделения, а сами ютились в малой хибарке — наемной квартире.

¹ В предложении сохранена орфография и пунктуация оригинала.

² Фраза «и нанизывался» вписана поверх строки.

³ Предложение напечатано прописными буквами.

⁴ Фраза «что это был ложный путь» напечатана с нижним подчеркиванием.

⁵ Фраза «разрубить раз [и] навсегда» напечатана прописными буквами.

⁶ Здесь и далее все заголовки напечатаны прописными буквами с нижним подчеркиванием.

⁷ Предложение напечатано прописными буквами.

⁸ Документ см.: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 74. Д. 1843. Л. 22.

⁹ Так в документе.

¹⁰ Фраза полиции в чине урядника подчеркнута от руки.

¹¹ Так в документе.

¹² Слово «бегут» вписано поверх строки.

¹³ Фраза «Об отце крестьянине отзывались положительно за то, что он не отделял себя от них, а более жил интересами крестьян, как они» напечатана прописными буквами.

В 1912 г. крестьяне на волостном сходе нанимают отца писарем¹. Но и тут ему проработать пришлось не более года: земский начальник отстраняет его от работы². Мать по этому поводу говорила мне о какой-то судебной тяжбе двух крестьян с Воскресенского и что отец помог одному из тяжбещиков обжаловать какое-то решение земского начальника, что последнему не понравилось и он решил отстранить неугодного писаря, писаря, охотно отзывавшегося на крестьянские нужды. Волостной старшина, местный купец Никулин выкрал из волостной кассы деньги. Отца заподозрили в соучастии. Следствие показало, что³ он не был к этому причастен. Но с работы сняли.

Отец оказался в безвыходной ситуации. Брат-«покровитель» снова выступает на сцену. Он прибирает всю семью отца к себе. Теперь мать, старшая сестра работают на полях старшего брата отца за кусок хлеб, а отец за 10 рублей в месяц дни и ночи выполняет работу по письмоводству за брата-писаря в Кислянской волости⁴.

Еще в 1929 году, старик-писарь, брат отца, предъявлял мне⁵ претензии: «Да! — спас я твоего отца нищего тогда. С голоду подошли бы... А теперь вы отвернулись от меня» — говорил он мне пренебрежительным тоном, подчеркивая слово «нищий».

Отец у брата проработал около года. Когда ему снова устраивается протееже земским начальником, но другого участка⁶. Сохранился случайно следующий документ, относящийся к этому моменту: «Многоуважаемый Константин Иосифович! — пишет земский начальник 8-го участка [, —] Вчера вы, будучи у меня, говорили, что вам нужен опытный письмоводитель. На ваше счастье таковой обыскался⁷. Он знает все наше крестьянское дело и может быть опытным волостным писарем. Человек безусловно честный, пострадавший совершенно невинно, благодаря интригам⁸ в Воскресенском волостном правлении. Податель сего и есть⁹ Василий Яковлевич Мещеряков готовый к услугам»¹⁰.

Так какие-то «интриги», по-видимому, преследовали всю жизнь отца после инцидента службы в полиции.

На основании этой рекомендации отец некоторое время заведует почтовым отделением и работает писарем в Карасинской волости, а затем в середине¹¹ 1914 года поступает инструктором курганского Союза маслодельных артелей¹². Я уже прекрасно помню его эту работу. Он весь отдавался кооперативному строительству. Об этом свидетельствует его сильное желание, чтоб и меня выучить на работника кооперации. Он умер в апреле 1920 года от чахотки¹³. Для его окончательной характеристики уже в советский период могу одно сказать, что он не препятствовал, например, моему вступлению в 1919 году в комсомол¹⁴.

Я помню такие разговоры в нашей семье, когда пришедшие к нам сослуживцы кооператоры, охваченные паникой при наступлении красных, говорили о намерении выехать из Кургана и это же рекомендовали отцу — он категорически отказался¹⁵. Еще ярким показателем о настроении¹⁶ отца может служить следующий факт: тогда, когда отец больной в постели в 1920 г. и семья ощущала острую нужду, мой брат родной младший тринадцатилетний Миша служил рассыльным в Курганской чрезвычайной комиссии и отец этому не препятствовал.

¹ Предложение напечатано прописными буквами.

² Фраза «земский начальник отстраняет его от работы» напечатана прописными буквами.

³ Далее стерто одно слово, восстановлению не поддается.

⁴ Фраза «мать, старшая сестра работают на полях старшего брата отца за кусок хлеб, а отец за 10 рублей в месяц дни и ночи выполняет работу по письмоводству за брата-писаря в Кислянской волости» напечатана прописными буквами.

⁵ Далее перечеркнуто одно слово, восстановлению не поддается.

⁶ Два последних предложение передаются без изменений, с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

⁷ Фраза «опытный письмоводитель. На Ваше счастье таковой обыскался» напечатана прописными буквами. Слово «обыскался» воспроизводится, как и в оригинале документа. Вероятно, опечатка, следует читать «отыскался».

⁸ Фраза «пострадавший совершенно невинно, благодаря интригам» подчеркнута синими чернилами.

⁹ Фраза «и есть» вписана поверх строки.

¹⁰ Документ см.: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 74. Д. 1843. Л. 20.

¹¹ Так в документе.

¹² Фраза «работает писарем в Карасинской волости, а затем в середине 1914 года поступает инструктором курганского Союза маслодельных артелей» напечатана прописными буквами.

¹³ Предложение напечатано прописными буквами.»

¹⁴ Фраза «он не препятствовал, например, моему вступлению в 1919 году в комсомол напечатана прописными буквами.

¹⁵ Фраза «категорически отказался» напечатана прописными буквами.

¹⁶ Так в документе.

Каковы его были в это время политические убеждения я не знаю. Но его действия к советской власти лояльные.

Таков мой отец.

Нужда, лишения — преследовали его всю его жизнь. Смотрите письма купца Толкунова¹.

Я могу сделать одно замечание о нем: не будь его² старшего брата-покровителя, удачно прислужившегося к монархическому строю, у моего отца был бы совершенно иной путь. Разоряющийся пролетаризирующийся середняк. Его путь был бы иным — путь батрацкого, физического труда³. Но брат-«покровитель» стремился вытянуть из этого моего отца и затащил его в это полицейское болото, которое отцу было не по нутру и еще больше в наше время [лежит] на мне⁴.

После смерти отца в 1920 г. оставшаяся семья оказалась в чрезвычайно критическом положении. Средств к существованию не было. Отцовский дом еще в 1919 г. был сожжен колчаковцами во время боя. Продавать было нечего. Я учился на курсах красных учителей. Старшая глухая сестра могла быть только домохозяйкой, мать инвалид, второй сестре шел только третий год. Работал рассыльным в ЧК только мой младший тринадцатилетний брат Михаил, но его заработка было недостаточно. Поэтому мать решила переехать на родину в с. Воскресенское, рассчитывая легче приспособиться к жизни там, и рассчитывая на помощь родственников. Летом мы переехали в деревню. За пользование нашей землей мы еще раньше списывались с родственниками о посеве ½ десятины пшеницы⁵. Теперь при переходе весь расчет был на урожай с этой полудесятины. Сельский совет вырешил нам 40 со...⁶ как погорельцам, пострадавшим от Колчака. Урожай хлеба был плох. К осени мы вынуждены были за хлеб продать вырешенный на дом лес. Это до некоторой степени обеспечивало на зиму семью хлебом.

Вот почему я осенью еду снова в г. Курган с намерением продолжать свое образование. Здесь в городе на общегородском ученическом собрании, где я был председателем, я встретился с зав[едующим] уоно Шапошниковым П. Я., лично знавшим меня как комсомольца, прослушавшего курсы красных учителей (я их не окончил, т. к. за две недели до окончания курсов уехал с матерью в деревню) [и] предложил мне явиться в уоно. В это время проходил саботаж учителей, нужны были работники. Меня в уоно обязывают работать в качестве воспитателя детской коммуны № 4 в Кургане, одновременно предоставляют возможность учиться во вторую смену в школе второй ступени. Так шло до весны 1922 г., т. е. до окончания школы второй ступени. За это время, а именно в 1920 г., я потерял самого близкого мне человека, с которым вместе росли, учились и жили⁷ душа в душу, я потерял среднего брата Александра, которого озверелые бандиты во время Курганского восстания схватили как комсомольца, раздели и вместе с другой группой большевиков и комсомольцев заморозили в Иковском бору.

Другой средний брат, тоже комсомолец, Владимир, принимает участие в подавлении восстания⁸. Вот какое было мое окружение в эти годы.

В 1923 г. меня посылают в д. Луговую Воскресенского района учителем. В этой школе я работал на договоренных началах с вселением за 4 пуда ржи в месяц и несколько пудовок овощей⁹. Я веду большую общественную работу среди населения (беседы, читки, работа с волшебным фонарем, участвую в компаниях и т. д.). Мою работу замечают и осенью 1923 г. переводят в Воскресенскую районную школу.

И здесь я¹⁰ впереди учителей — застрельщик строительства новой школы и [принимаю] самое активное участие в общественной жизни[,] комсомольской работе¹¹.

¹ Документ см.: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 74. Д. 1843. Л. 21-21об., 23.

² Далее перечеркнуто и лезвием стерто одно слово, восстановлению не поддается.

³ Фраза «не будь его старшего брата-покровителя, удачно прислужившегося к монархическому строю, у моего отца был бы совершенно иной путь. Разоряющийся пролетаризирующийся середняк. Его путь был бы иным — путь батрацкого, физического труда» напечатана прописными буквами.

⁴ Фраза «и еще больше в наше время на мне» напечатана прописными буквами.

⁵ О документе пшежцы.

⁶ Часть слова повреждена.

⁷ Далее зачеркнуто «в душу».

⁸ Имеются в виду события Западно-Сибирского крестьянского восстания, охватившего в 1921 г. и Курганский уезд.

⁹ Фраза «я работал на договоренных началах с вселением за 4 пуда ржи в месяц и несколько пудовок овощей» напечатана прописными буквами.

¹⁰ Далее перечеркнуто одно слово, предположительно веду.

¹¹ Предложение напечатано прописными буквами.

Моя работа была замечена и я в Мюдовский праздник¹ в 1924 г. в торжественной обстановке на районной учительской² конференции как передовик-учитель, образцовый комсомолец был передан в ряды ВКП(б).

Я был первым человеком из среды учителей в Воскр[есенском] районе³ вступившим в партию, моими поручителями были старые члены партии местные жители села Воскресенского. Среди них: Киланов К. П., Ветохин П. А.[.] немногим по годам моложе моего отца и последнего [они] прекрасно знали⁴. При поступлении в партию никто не поднял вопроса о службе отца в полиции, как и впоследствии его никто не поднимал до 1933 г. Мне же факт⁵ службы отца не был известен. В 1933 г., когда становится известной служба отца в полиции, меня исключают из ВКП(б), на парткомитете ЧТЗ⁶ восстанавливает в рядах партии. На чистке партии в 1933 г. я сообщаю о службе отца в полиции и меня снова исключают из рядов ВКП(б).

Областная комиссия партийного контроля по моей апелляции ведет глубокое расследование и не находит преступления с моей стороны и восстанавливает в рядах ВКП(б)⁷. В постановлении обл[астной] ком[иссии] парт[ийного] контроля говорилось:

«Установлено: Отец Мещерякова в 1906 году служил несколько месяцев урядником, остальное время волостным писарем.

Мещеряков вступил в ВКП(б) в с. Воскресенском у себя на родине, где его отца хорошо знало население⁸. На партчистке в 1929 г. о том, что отец служил урядником Мещеряков не говорил (мотивирует тем, что не знал об этом до 1929 г.). На чистке 1933 г. данный факт не скрывал.

Постановили: Решение заводской комиссии по чистке парторганизации ЧТЗ отменить, тов. Мещерякова восстановить в члены ВКП(б) и считать проверенным».

После этого я до дня исключения из ВКП(б) при проверке партдокументов работал партторгом школ ЧТЗ. С работой справлялся, взысканий не имел, от генеральной линии партии не отступал⁹.

При проверке партдокументов партийный билет изъят. В решении бюро горкома записано: «Считать изъятие партийного билета правильным. Мещерякова, как обманном путем вступившего в партию, из рядов ВКП(б) исключить¹⁰».

Враги народа, стоявшие у руководства партийной организации, орудовали формально, бездушно, бюрократически, кавалерийским наскоком, одним взмахом руки и росчерком пера в три минуты решили судьбу коммуниста.

Я сразу же делаю письменное заявление, смысл которого был таков: «Не торопитесь с заключением о исключении. Дважды парторганизация разбирала мой вопрос и не было элементов преступления. Ознакомьтесь с сутью дела по проведенному следствию обл[астной] ком[иссии] парт[ийного] контроля. Посмотрите, что я, кто я по делам, по работе¹¹. Учтите, что я вырос и воспитан в комсомоле, в партии, а потом решайте судьбу партийности».

К моему голосу не прислушались. Враги¹² маскировались. Им нужно было показать свою «бдительность». И они действовали: «Ага, попал! Отец служил? Не отрицает? Обман, непременно обман! Исключить!». А под этой показной шумихой о бдительности, как показали судебные процессы, оставляли билеты у действительных врагов народа, свивали контрреволюционные гнезда.

¹ Имеется в виду Международный юношеский день — международный праздник молодежи. Установлен решением Бернской международной социалистической конференции молодежи на Пасху в апреле 1915 г. в целях мобилизации молодежи на борьбу за мир, против империалистической войны. В России в 1917—1931 гг. отмечался в первое воскресенье сентября, с 1932 г. — 1 сентября (Большая советская энциклопедия : в 51 т. 2-е изд. Т. 27. Москва, 1954. С. 46).

² Слово «учительской» вписано по верх строки.

³ Фраза «в Воскр[есенском] районе» вписана по верх строки.

⁴ Первые два предложения абзаца напечатаны прописными буквами.

⁵ Рукописная правка, изначально «акт».

⁶ Челябинский тракторный завод.

⁷ Предложение напечатано прописными буквами.

⁸ Фраза Мещерякова в 1906 году служил несколько месяцев урядником, остальное время волостным писарем. Мещеряков вступил в ВКП(б) в с. Воскресенском у себя на родине, где его отца хорошо знало население» напечатана прописными буквами.

⁹ Фраза «взысканий не имел, от генеральной линии партии не отступал» напечатана прописными буквами.

¹⁰ Предложение напечатано прописными буквами с нижним подчеркиванием.

¹¹ Предложение напечатано прописными буквами с нижним подчеркиванием.

¹² Далее зачеркнуто «народа».

Так орудовали враги, и я считаю себя их жертвой.

Моя работа после исключения

В момент проверки партдокументов я работал преподавателем истории в старших классах средней школы № 48 ЧТЗ¹.

Мне немедленно снимают с работы. Я оказался изолированным от низовой партийной организации. Два с половиной месяца пока не вышло постановление ЦК об искажении политики ЦК при снятии с работы исключенных из ВКП(б) я хожу без работы. Оторвавшись от парторганизации, видя всюду презрение, отвращение к себе я окончательно растерялся. Я не знал, что мне делать, как поступить².

Приведу в пример беседу с т. Баркан³, ныне работающим в облоно, который в то время был директором школы, в которой я работал, и которого одновременно со мной исключили⁴ из ВКП(б).

— Я подаю апелляцию. А ты? — спрашивает он меня.

— Тебе хорошо. У тебя новая формулировка причин исключения. Тебе легко апеллировать. А мне невозможно. Подумай только: третий раз исключают по одной и той же причине. Дважды разбирали⁵. Дважды вели следствие. Дважды документировали — теперь я без документов. Как я буду апеллировать? Нет, я буду работать, покажу себя работой и этим путем только могу вернуться в партию.

Вот на какой я стал путь. Надо сказать, что это был путь и ложный, и в то же время верный.

Ложный потому, что я поступил по-интеллигентски, сусально, не подал апелляции, не довел дело до конца, до Центральной комиссии по проверке партдокументов⁶.

Верный потому, что я вторично после бюро горкома обращался к Рындину в форме пространного письма-жалобы на исключение, на то, что меня лишили любимой работы — преподавания истории и т. п. Хотя письмо и носило характер обращения к Рындину, но оно могло быть апелляцией, т. к. в нем были как и сейчас изложены все обстоятельства вступления в партию и неправильности исключения.

Я рассматривал, что только в такой форме возможно было мне тогда подать апелляцию⁷. Письмо долго мариновалось. Мои надежды на то, что вызовут для беседы по вопросу партийности, пересмотрят решение об исключении эти мои надежды не подтвердились⁸.

Правда, позднее, когда я уже работал в обл[астном] музее заведывающим⁹ историческим отделом, кто-то позвонил мне по телефону из горкома:

— Т. Мещеряков, вы писали Рындину?

— Писал.

— Вас из школы сняли неправильно. Если желаете вернуться на работу в качестве историка, мы вас пошлем.

Я поблагодарил и сказал, что работаю историком в музее, работой удовлетворен. На этом разговор закончился.

¹ Аббревиатура «ЧТЗ» дописана от руки в конце строки.

² Два последних предложения напечатаны с нижним подчеркиванием. Фраза «Оторвавшись от парторганизации» напечатана прописными буквами.

³ Баркан Михаил Евсеевич (17.08.1903 — дата смерти неизвестна), педагог, руководитель в сфере народного образования. Окончил Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена (1929, преподаватель обществоведения). В 1916—1919 гг. ученик и подмастерье в частной мастерской Друца (Дисна, ныне Белоруссия). В 1920—1921 гг. переписчик губпродкома (Полоцк). В 1924—1925 гг. рабочий завода «Красный выборжец» (Ленинград). В 1929—1930 гг. заведующий фабрично-заводскими семилетками № 6 и № 2 (Челябинск). В мае 1930 г. принят в ВКП(б), в 1933 и 1935 гг. исключался из партии, но был восстановлен без взысканий. В 1930—1933 гг. инспектор Челябинского горно. В 1933—1935 гг. директор школы № 48 г. Челябинска. В январе — августе 1936 г. директор Челябинского театра юного зрителя. В 1936—1937 гг. заведующий Ленинградским и Тракторозаводским районо (Челябинск). В 1937—1939 гг. заведующий сектором школ взрослых Челябинского облоно. С мая 1939 г. заместитель заведующего Челябинского облоно. Дальнейшая судьба неизвестна (ОГАЧО. Ф. Р-1000 «Главное управление образования и науки Челябинской области и подчиненные ему учреждения». Оп. 11. Д. 1248. Без пагинации).

⁴ Рукописная правка, изначально исключали.

⁵ Фраза «третий раз исключают по одной и той же причине. Дважды разбирали» напечатана прописными буквами.

⁶ Предложение напечатано прописными буквами с нижним подчеркиванием.

⁷ Предложение напечатано с нижним подчеркиванием.

⁸ Сохранена пунктуация документа.

⁹ Так в документе.

Я понял, что вопрос о пересмотре исключения не будет поставлен. Так Рындин затер мою попытку апеллировать¹. Мне оставалось одно: продолжать честно работать и реабилитировать [себя] перед партией работой.

Моя работа в областном музее

Облоно назначает меня на работу в качестве зав[едующего] историческим отделом. Снова история, мое любимое детище. Я весь отдаюсь работе. Музей краеведческий. Значит надо изучить, познать историю своего края. Еду в Москву на месяц в центральную библиотеку им. Ленина, чтоб использовать ее сокровища о нашем крае, изучаю, исследую, по крупицам восстанавливаю прошлое края. Разработал в упорном настойчивом труде² генеральный план структуры историко-революционного отдела от первобытного общества до наших дней. Готовился к организации исследований более детальных, глубоких по отдельным вопросам, накапливал вещественный материал, организовал изучение исторических памятников. Лето 1937 г. все прошло в археологических экспедициях по изучению памятников: в Миасском районе ведем раскопки неолитической стоянки, в Юргамышском районе раскапываем городище бронзовой эпохи и скифо-сарматские курганы, в Усть-Катавском районе исследуем пещеру на предмет открытия палеолита под руководством представителя Академии материальной культуры и впервые открываем богатейшую фауну Урала за 50 000 лет тому назад. Кроме этого я еду в специальную командировку по Ю[жному] Уралу и Зауралью с целью изучения и сбора историко-революционного материала: о рабочем движении, 1905 г., работе партии в царском и колчаковском подпольи, о Гражданской войне и ее деятелях, об Октябрьском перевороте и т. п. Предполагал организовать показ истории Гражданской войны и Октябрьского переворота на местном материале. Веду глубокое исследование о крестьянском восстании в 1842—1843 гг. в бывших Челябинском, Шадринском и Камышловском уездах. Исследую, пишу. Незаконченная рукопись сейчас имеется на руках. Списываюсь с центральными архивами и разыскиваю интересные документы по этому восстанию, еще не получившему освещения в литературе. По моей инициативе поднятый вопрос поддерживается Центральным архивным управлением, которое решило в этом году издать сборник документов по восстанию и таким образом осветить его в печати. Сам принимаю посильное участие в освещении исторического прошлого в газетах «Челябинский рабочий», «Ленинских искрах». Принял участие в составлении первого альманаха Южного Урала и в сборнике «Песни, сказки и частушки», изданных Челябингизом. Оказывал посильную помощь всем, кто вел исследовательскую работу по истории края.

Я горел на работе. Это моя любимая работа. Мной были довольны руководители музея и отзывались положительно. Получив сообщение из горкома ВКП(б), что я могу взять работу по истории в любой школе города — я мог бы при формальном отношении к работе погнаться, как говорится, за «длинными рублями», загружусь по совместительству преподавательской работой. Поводом бы к этому служил мой маленький оклад, получаемый в музее. Я не пошел по этому пути. Получая неоднократные предложения работать на курсах, я отказывался.

Я хотел одного: как можно больше сделать в музее, т. к. отдел истории по существу не освещал полноты картины прошлого края, героики борьбы пролетариата за утверждение советской власти, под руководством партии, борьбы за победу социализма.

В своей работе на историческом фронте я был партиен и проводил неотступно ленинско-сталинскую политику³.

Но вдруг я получаю приказ из облоно: меня снимают с работы.

Причины снятия с работы в музее

7 октября 1937 года неожиданно не только для меня, но и для руководителей музея меня отстраняют от работы.

В выписке из приказа облоно значилось: «Т. Мещерякова П. В., как не имеющего подготовки научного работника музея, от работы освободить».

Снятие без причин, поспешность и отсутствие заместителя более компетентного, чем я, прежнее желание выработать из меня музейного работника, положительное отношение ко мне раньше и вдруг такой оборот дела — все это заставило задуматься не только меня, но и руководителей музея. Ясно

¹ Фраза «Рындин затер мою попытку апеллировать» напечатана с нижним подчеркиванием. Слово «апеллировать» напечатано прописными буквами.

² Слово «труде» вписано поверх строки.

³ Предложение напечатано прописными буквами с нижним подчеркиванием.

было — что снятие происходит по какой-то причине¹. Это подтвердилось тогда, когда директор музея ходил в облоно для объяснения, что потрачено много сил и средств на выработку музейного работника, что я как работник не плох и если не могу из-за отсутствия ученого звания руководить отделом, то тем не менее могу быть младшим научным работником отдела. Директору было отказано. Тогда я[,] уже² уволенный[,] иду на объяснение к бывшему зам[естителю] зав[едующего] облоно Зайцеву³, работающему зав[едующим] гороно.

Зайцев без увиливания прямо ответил:

— Мы вас не просто уволили. Мы знаем, что вы вполне справлялись с работой и⁴ можете работать. Мы вас уволили за связь с бандитом-художником Штепой, за вашу попытку сфотографировать военное здание в г. Кургане. К тому же вы бывший коммунист. Мы не доверяем вам истории.

Это нелепейшее обвинение настолько жестоко и позорно для меня⁵, что я считаю своим долгом подробно изложить обстоятельства дела. Это обвинение ставит меня на одну грань с врагами народа и что еще страшнее, превращает почти в «шпиона».

Кто такой Штепа? Как я был знаком с ним?

Штепа техник заводууправления. По его словам потомственный пролетарий. Дед был крепостной. Отец всю жизнь работал рабочим. Сам он с юных лет тоже работал рабочим, а потом после техникума — техником. Но это со слов его. Я его мало знаю, немногим больше года. Познакомился я с ним в 1936 году в художественной студии Челябин[инского] союза художников. Я люблю в часы досуга вместо развлечения заниматься живописью. Однажды в студии по заданию художника Русакова⁶ мы работали над творческой композицией. Я выбрал эпизод, волновавший меня (над чем вел исследование задолго⁷ до этого), из борьбы крестьян в Челябинском уезде в 1843 г., а именно сюжет жесткой расправы над крестьянами после подавления восстаний.

Моей композицией, очень плохой по исполнению, но волнующей по содержанию, заинтересовался художник Русаков, все студийцы и в том числе студиец Штепа.

После окончания занятий Штепа подходит ко мне и спрашивает, где я живу. Получив ответ, что я живу на ЧТЗ, он остается доволен тем, что путь лежит один и тот же, что он тоже живет на ЧТЗ и предложил мне пойти вместе.

С этого и началось мое знакомство. Он много меня расспрашивал о сделанной мной композиции, что это действительно факт или вымысел⁸. Получив мой рассказ о крестьянском восстании, он начал

¹ Сохранена пунктуация документа.

² Далее зачеркнуто «сам».

³ Зайцев Василий Никанорович (01.1904 — дата смерти неизвестна), педагог, руководитель в сфере народного образования. Окончил 1-й Московский государственный университет (1930, преподаватель математики в средней школе). До 1924 г. работал в хозяйстве отца. В 1924—1925 гг. председатель ячейки РЛКСМ дер. Ситниково (Московская обл.) и председатель сельсовета. С 1925 г. на учебе. В 1930—1933 гг. директор комбината рабочего образования и преподаватель математики рабфака МИЭИ. В 1932—1933 гг. совмещал эту работу с должностью заместителя директора завода № 15. В 1933 г. зачислен в аспирантуру Коммунистического института просвещения (Москва). В 1933 г. направлен на работу в Магнитогорск: директор педагогического техникума (1933), следователь районной комиссии по чистке рядов ВКП(б) (1934—1935), заведующий Магнитогорского окроно (1935—1936). С ноября 1936 г. заместитель заведующего Челябинского облоно. Дальнейшая судьба неизвестна (ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 1Л. Д. 1933. Без пагинации).

⁴ Союз «и» вписан в документ от руки.

⁵ Фраза «жестоко и позорно для меня» напечатана прописными буквами.

⁶ Русаков Николай Афанасьевич [27.11(10.12).1888 — 31.12.1941], живописец, педагог, член Союза художников СССР (1936). В Челябинске с 1901 г. Окончил Казанскую художественную школу Императорской академии художеств (1913; педагог живописи и рисования Н. И. Фешин). В 1913—1917 гг. занимался у К. А. Коровина в Московской училище живописи, ваяния и зодчества. В 1910—1916 гг. преподавал рисование в Казани и Москве. С 1916 г. в Челябинске: заведующий Челябинской губернской школой-студией изобразительного искусств губпрофобра (1920—1923), преподаватель изобразительного искусства и графики в железнодорожной средней школе № 42 и фабрично-заводском училище № 8 (1921—1935). В 1935—1940 гг. вел студию при отделе искусств Дома народного творчества, руководил студией «Академия Русакова». Один из основоположников живописи в Челябинской области, создателей Союза художников в Челябинске (1936). Работал в жанрах портрета и пейзажа (масло, акварель). В июне 1941 г. был арестован, приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1957 г. (Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Т. 5. Челябинск, 2008. С. 503).

⁷ Так в документе.

⁸ Так в документе.

интересоваться тем¹, буду ли я работать над композицией дальше, маслом. Я не думал писать картины и поэтому сказал, что не буду. Тогда он говорит, что он не знает, над чем работать, поэтому моя композиция ему очень понравилась и не уступлю ли я ему для работы своего сюжета. Я не отказал, наоборот, как историк был бы доволен созданием картины из истории края, да вдобавок еще на моем материале. Я сказал ему, что уступаю сюжет, он может над ним работать, что я даже могу проконсультировать.

С этого и началось знакомство. Штепа написал картину «Расправа оренбургских казаков над крестьянами с. Воскресенского в 1843 году». Эта картина была приобретена музеем. Она была выполнена неплохо и отразила крестьянское восстание в историческом отделе музея. После этого он успешно занимался творческой работой. Пишет картины «Гибель Цвиллинга», «Расстрел Сони Кривой и др[угих] челябинских большевиков», «Зверская расправа белобандитов над Колющенко и др[угими]»². Понятно, что это необходимая, полезная творческая работа. Его картины создавались при консультации таких большевиков, как Орешкин³ и др[угих]. Его картины принимались комиссией из представителей от культпропа обкома ВКП(б), Ибшманом⁴, Гавриловым⁵, представителем областного комитета по делам

¹ Далее зачеркнуто слово «что».

² Самуил Моисеевич Цвиллинг (1891—1918), Софья Авсеевна Кривая (1894—1919), Дмитрий Васильевич Колющенко (1881—1918) — участники революционного движения в Челябинске, погибшие в борьбе с антибольшевистскими силами (Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Т. 3. Челябинск, 2008. С. 316; Там же. Т. 7. С. 76, 503).

³ Орешкин Тимофей Матвеевич (1871—1947), советский деятель, архивист, участник революционного движения. До 1893 г. батрак, затем чернорабочий на строительстве Сибирской железной дороги. С 1901 г. столяр Челябинского железнодорожного депо; включился в революционную деятельность. С 1905 г. член РСДРП. Арестован, выслан в Пензенскую губернию, затем в Сибирь. Бежал из ссылки, по возвращении в Челябинск (1912) работал модельщиком на заводе «Столь В. Г. и Ко». В 1917 г. был избран в комитет общественной безопасности. Один из создателей Челябинского совета рабочих и солдатских депутатов, член исполкома, заводского отряда Красной гвардии. Был избран гласным городской думы от РСДРП(б). После событий октября 1917 г. утвержден председателем революционного суда. В июле 1918 г. арестован белыми, отправлен в Тобольский, затем в Александровский централ. В 1920 г. вернулся в Челябинск, губкомом РКП(б) назначен членом коллегии ревтрибунала, членом контрольной комиссии и председателем комиссии по чистке партийных рядов. В 1929—1937 гг. заведующий Челябинским районным (с 1934 — областным) архивом (Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Т. 4. Челябинск, 2008. С. 801).

⁴ Ибшман Петр Рафаилович [3(15).10.1898 — 22.01.1942], педагог, организатор в системе архивной службы, партийный деятель, участник большевистского подполья. С 1912 г. разнорабочий на гильзовой фабрике «Левин и К^о» в Брест-Литовске. В 1914-1915 гг. разнорабочий, ученик слесаря механико-слесарных мастерских. В 1914 г. вступил в еврейскую социалистическую партию «Поалей Цион», в 1917 г. вышел из ее рядов. В 1915—1918 гг. работал слесарем в железнодорожном депо на ст. Черемуха (между Брестом и Белостоком), участвовал в перевозке нелегальной литературы по железной дороге. В 1918—1920 гг. занимался общественной деятельностью в Брест-Литовске. Вступил в Бунд, придерживался лев. позиций. В 1919 г. участвовал в создании коммунистической организации, входил в состав подпольного городского комитета партии. Позднее занимался вопросами продовольственного снабжения частей Красной армии. В 1920—1921 гг. в Могилеве (Белоруссия): заведующий заготконторой уездного продовольственного комитета. В 1922 г. окончил Гомельскую советско-партийную школу, был оставлен на преподавательской работе. В 1923—1925 гг. заведующий учебной частью Клиновской советско-партийной школы (Брянская обл.). В 1925-1928 гг. направлен в Гомельскую советско-партийную школу преподавателем истории; позднее стал заведующим. В 1928 г. ЦК ВКП(б) направлен в Иваново заведующим курсами Общества старых большевиков, в 1929 г. на учебу в Ивановский химико-технологический институт (из-за болезни окончил только 1 курс). В 1930—1932 гг. в Ивановском комвузе: преподаватель истории партии, ректор. В 1932 г. командирован на учебу в аспирантуру Московского коммунистического университета по подготовке преподавателей обществоведения; позднее продолжил обучение в историко-философском институте. Отозван ЦК партии с 3-го курса аспирантуры (1935), направлен на преподавательскую работу в Челябинский педагогический институт. В 1935—1936 гг. заведующий учебной частью института; читал лекции по истории партии на курсах марксизма-ленинизма. С 1936 г. заведующий истпартком Челябинского обкома ВКП(б). В октябре 1937 г. постановлением бюро обкома ВКП(б) был освобожден от должности зав. истпартком «за неправильные антипартийные разговоры, в которых допустил клевету на органы ОГПУ». Рекомендован на должность инспектора по делам искусств при Челябинском облисполкоме. Арестован в марте 1938 г. Заключен в ИТЛ Усть-Ухты Коми АССР на 5 лет с правом переписки. Умер в заключении. Постановлением президиума Челябинского областного суда в 1956 г. дело было прекращено за отсутствием состава преступления (Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Т. 2. Челябинск, 2008. С. 536).

⁵ Вероятно, Гаврилов Василий Степанович (22.03.1878 — дата смерти неизвестна), организатор в сфере архивного дела, участник революционного движения. Член РКП(б) с 1920 г. В 1895—1899 гг. слесарь и помощник машиниста на ст. Челябинск Сибирской железной дороги. В 1899—1900 гг. проходил службу в армии. В 1901 г.

искусств Созоновым и были одобрены часть¹ из² них также приобретена музеем. Было чрезвычайно необычно, что художник-самоучка в Челябинске занимается творческой работой на историко-революционные сюжеты. Насколько мне известно, ни один из них до сих пор не создал ни одного творческого полотна. Поэтому Штепа был замечен зам[естителем] культпропа обкома и по его настоянию председатель комитета по делам искусства при облисполкоме добился перед заводоуправлением о предоставлении художнику-самоучке дополнительно специальной комнаты для работы живописью, прикрепил художника-коммуниста Сосновского для обучения его на дому. Я же выступал как историк-краевед в качестве консультанта по истории нашего края. При всех моих встречах беседы велись ним только вокруг исторических сюжетов. Я ему давал указания на литературные источники или ином историческом эпизоде³. Он горел и, как мне казалось, работал с неподдельным подъемом.

Все лето 1937 г. я пробыл в научных командировках по области. В Челябинске бывал заездами. В один из таких заездов узнал, что художник-самоучка Штепа арестован НКВД в июне 1937 г.

За что арестован — я не знаю. Могу с уверенностью сказать, что не за творческую работу в области живописи, не как художник. Он работал на заводе, вероятно, сделал какое-либо должностное преступление. Во всяком случае он арестован, а тогда, когда это стало известно уже осенью в облоно, последние поставили в вину мне знакомство, мое честное стремление помочь всякому работающему над изучением и восстановлением исторического прошлого, так, чтоб эта помощь товарища помогла утверждать победу пролетариата и победу социализма.

Я категорически отрицаю какое бы то ни было соучастие во вражеской работе Штепы⁴, если только она велась последним. Это, очевидно, подтверждает и следственный материал в органах НКВД. Это опрометчивое обвинение Зайцева, его вымысел, который заставил меня очень много пережить, особенно при пуске Лукашевым (облоно — политпросвет) слушков через комсомольца Крымского А. Я.⁵ — работника музея, что «над Мещеряковым квашня закисла, но не выкисла»⁶. Я заверяю, что она никогда не выкиснет, ибо, за мной не было и не будет никогда никаких преступлений против партии, против истинно демократического народного советского правительства. И как лукашевская блевотина на честного человека не была тяжелой, до нервозности потрясающей — я переживу ее.

И второе обвинение косвенное, между прочим приписанное в прямой связи с первым — мой интерес военными объектами, превращает меня, как я уже сказал, в «шпиона». Мне этого никто не говорил. Но надо так понимать. Кто же, как не шпионы, интересуются военными объектами?!

Данные к обвинению: в Кургане я попросил фотографа Крымского зафотографировать здание, которое принадлежит военной части. Поясню, как было дело.

В августе месяце я был в длительной научной командировке по сбору историко-революционного материала в связи с подготовкой к 20-летию юбилею Октябрьской революции. Меня сопровождал фотограф — комсомолец Крымский А. Я. Мы прибыли в Курган. Для меня это почти родной город в котором прошли отроческие и юношеские годы. Мне здесь все мило, все напоминает детство. Я не был в нем с 1922 года. Понятно, все что я встречал, вызывало радость, воспоминания. Я много рассказывал

слесарь на ткацкой фабрике г. Костромы. В 1901—1906 гг. слесарь, помощник машиниста, машинист в железнодорожном депо г. Челябинска. Из-за участия в подпольной деятельности подвергался политическим преследованиям, был вынужден уехать из города. В 1906—1908 гг. вел подпольную работу в Костромской и Ярославской губернии по заданию руководства РСДРП. В 1908—1911 гг. находился в тюрьме, в 1911 г. выслан в Канский уезд Енисейской губернии. В 1917—1918 гг. инструктор Канскогуюкома РСДРП(б). В 1918—1920 гг. находился в красном партизанской отряде, воевал в Сибири. В 1920—1922 гг. пулеметчик в Красной армии, участвовал в боевых действиях в Крыму и Якутии. В 1922—1924 гг. госконтролер в Иркутской губернии. В 1924—1926 гг. секретарь партийной ячейки прокатных цехов Надеждинского завода (Тагилский округ Уральской области). В 1926—1927 гг. начальник депо железнодорожного транспорта в г. Челябинске. С 1927 г. на Челябинской ГРЭС — слесарь, мастер по монтажу, помощник директора. В 1935—1939 гг. заведующий партийного архива Челябинского обкома ВКП(б). Дальнейшая судьба неизвестна (ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 67. Д. 5. Л. 1—10).

¹ Слово «часть» вписано поверх строки.

² Рукописная правка, изначально «их».

³ Так в документе.

⁴ Фраза «Я категорически отрицаю какое бы то ни было соучастие во вражеской работе Штепы» напечатана прописными буквами с нижним подчеркиванием.

⁵ Крымский Александр Яковлевич (1917 — дата смерти неизвестна), фотограф. Окончил семилетнюю школу в Уфе (1930), обучался один год в музейном техникуме. В 1937—1938 гг. фотограф в Челябинском областном краеведческом музее (Антипин Н. А. Челябинский краеведческий музей. 1913—1957 гг. Челябинск, 2011. С. 178).

⁶ Фраза «над Мещеряковым квашня закисла, но не выкисла» напечатана с нижним подчеркиванием.

об этом Крымскому. И вот, когда мы проходили возле здания в котором некогда помещалось высшее начальное училище, оконченное мной⁷. Радость при виде здания неопишима. Вспомнились товарищи, учитель, детские забавы. Я не утерпел и, забыв всякие предосторожности при фотографировании зданий, попросил Крымского: «Саша! зафотографируй это здание!». И вот Крымский с улицы, с дороги ищет точку, с которой лучше всего заснять здание. Он наводит объектив, не удовлетворяет[ся], отходит на новое положение, снова направляет объектив.

В это время через дорогу проходит военный командир. Он остановился.

— Что вы делаете?

— Вот это здание хотим⁸заснять.

— Для чего?

Я ему объясняю. Он не удовлетворен ответом.

— Идемте!

Мы последовали за командиром, а через некоторое время он направил нас в местное отделение НКВД, как подозрительные личности⁹. В НКВД, проверив наши личности и удостоверившись в нашей искренности намерений, через несколько минут выпустили, сделав напутствие о правилах уличной съемки.

Так здание не было заснято. Потом мы уже в музее долго посмеивались над этим инцидентом. А теперь от него приходится «солоню», приходится не смеяться, а плакать.

Само [собой] разумеется, когда узнали в облоно, то истолковали его по-своему[,] «непонятно почему-то вы интересуетесь военными объектами» — говорил мне т. Зайцев.

Вот эти два объяснения послужили причиной к увольнению из музея. По этой же причине при поступлении моем позднее на работу в архив меня не утвердил облисполком.

Это обвинение сейчас приняло настолько серьезный оборот, что меня все бояться как огня, знакомые избегают, я не могу поступить на работу¹⁰. Мне окончательно прегражден путь честной, преданной работы на том партийном участке, участке истории — которую я так люблю. И самое главное — я увидел, что избранный мной путь возврата в партию через работу, через низовую парторганизацию отныне невозможен или отдалается на неопределенное время. В самом деле, мне когда-то нужно сначала начинать работу работать на участке незнакомой¹¹, новой какой-либо работы. И в то же время я должен держать свои небольшие может быть, но все же знания по истории, тогда как страна нуждается в историках. Я более года работал преподавателем истории ВКП(б) в вечернем комвузе ЧТЗ, отделении ИМЗО¹² под руководством т. Дягелева. Мои рецензии получали положительный отзыв в Культпропе ЦК ВКП(б). Работая в средней школе и техникуме историком я никогда не допускал искажений, отступлений от линии ЦК ВКП(б).

Так чем же я вреден? Почему я, отдавший много сил на строительство социализма, стал вдруг не нужным? Разве знания, которые я передавал другим, не расходящиеся с генеральной линией сталинского ЦК — не нужны трудящимся?

Конечно не так. Нужны. Нужны тысячи новых работников. Этих новых работников нужно растить. Но нужно и сохранять старые кадры. Я рассматриваю себя жертвой врагов народа, орудовавших в партийной организации Челябинской области. По их воле я остался вне партии. А исключение из ВКП(б) повлекло за собой и то политическое недоверие, которое проявлено¹³ ко мне со стороны органов народного образования.

В самом деле:

1. С работы историка в средней школе № 48 на ЧТЗ сняли как исключенного из ВКП(б).
2. После работал в гороно. Бывший зав[едующий] гороно Шапиро хотел послать историком в школу, а когда наступил учебный год, не послал, как исключенного из ВКП(б).
3. Т. Зайцев в беседе о причинах снятия из музея указал¹⁴ те, о которых я выше писал, добавил, что это еще потому, что вы бывший член партии¹⁵.

⁷ Предложение воспроизводится без изменений.

⁸ В документе «хочем».

⁹ Так в документе.

¹⁰ Предложение напечатано прописными буквами с нижним подчеркиванием.

¹¹ Слово «незнакомой» написано от руки поверх стертого лезвием слова, не поддающегося восстановлению.

¹² Институт массового заочного обучения.

¹³ Слово «проявлено» вписано поверх строки.

¹⁴ Далее зачеркнуто «на те о тех»

¹⁵ Так в документе.

Ясен вывод — мне не дают честно трудиться по причине по причине исключения из ВКП(б).

Ну, а если обвинение не верно, ошибочно, необоснованно?

Об этом никто не задумывался, об этом их не интересует¹. Если причина — отец, то в этом отношении Иосиф Виссарионович дал четкое указание: дети не отвечают за поступки родителей. В моем случае тем более, т. к. я был настолько мал (мне было 2 года), что взять какую-либо ответственность за отца я не мог. Мои преступления перед партией? Но их не было.

В чем же дело? Почему я вне партии?

Формализм, бюрократизм, вражеская работа бывших партийных руководителей, которые, надеюсь, предстанут перед карающим пролетарским судом — вот почему я вне партии.

Я описал все. И если я в своем обращении к врагу народа Рындиному писал, что я не стою на принципе «влезания в партию на брюхе», то это было правдой. Это нужно было понимать так: на определенном этапе борьбы за социализм у меня взято много сил. Теперь я не нужен. Ну что ж, хорошо. Будем честными беспартийными большевиками. А «влезать в партию» во что бы не стало не будем. Теперь для истины я должен заявить, что это мое положение не верно, не большевистское, ибо я исключен врагами народа и партии и тут не нужно никакое «влезание» в партию, а наоборот требуется заявить о вражеской работе и потребовать пересмотра исключения, восстановления в правах члена партии. Вот почему я прошу вопрос о моей партийности пересмотреть и восстановить в рядах партии, взять от меня все силы, все знания на дело окончательного построения социализма — его последней фазы — коммунизма². Будучи верным сыном комсомола и партии я обещаю быть верным ленинско-сталинской политике и впредь до конца своей жизни, ибо только эта политика верна, только она обеспечивала построение социализма, только она приведет к победе коммунизма. Иные пути ложны, иные пути ведут к реставрации капитализма, и не нам, воспитанникам комсомола и партии, идти иными, ложными путями. Пусть идут этими путями отщепенцы, изменники, но³ революционная поступь пролетариата, его карающая рука беспощадно стерет⁴ их⁵ с лица земли. Сталинская политика, сталинское руководство победило и разобьет еще не раз их⁶ на своем пути. Сталинская политика есть самая правильная политика во всем мире. Вот почему я иду за Сталиным и под его знаменем в рядах славной коммунистической партии буду беспощадно драться со всякого рода мастьями⁷ врагов. Все свои показания я дал верными и за неправильность их готов отвечать со всей суровостью перед пролетарским судом.

Прошу решение бюро горкома об исключении меня из ВКП(б) отменить и восстановить в рядах партии.

Характеристику о себе и о работе после исключения я представить не могу, т. к. мне ее никто не дает. Поэтому прошу ее запросить Вас. В музее меня хорошо знает по работе директор Ив[ан] Гав[рилович] Горохов⁸ или ученый секретарь Вас[илий] Мих[айлович] Голубев⁹ — беспартийные. Кроме этого обо

¹ Так в документе.

² В предложении сохранена орфография и пунктуация документа.

³ Слово «но» напечатано поверх стертого слова, не поддающегося восстановлению.

⁴ Так в документе.

⁵ Слово «их» вписано в строку от руки.

⁶ Слово «их» вписано от руки поверх строки.

⁷ Слово «мастьями» написано поверх стертого слова, которое не поддается восстановлению.

⁸ Горохов Иван Гаврилович [20.10(1.11).1884 — 3.01.1970], педагог, геолог, организатор музейного дела. Окончил естественное отделение Петербургского университета (1913). Летом 1914 г. приехал в Нижний Тагил, работал преподавателем естествоведения в реальном училище. С августа 1915 г. преподавал естествоведение и географию в Челябинском реальном училище. В 1917 г. утвержден НК просвещения в должности учителя средних учебных заведений. Возглавлял музеи уездного земства, местного края при Челябинском ревкоме и при отделе народного образования. В 1918 г. совместно с Д. В. Мошковым создал Приуральское общество изучения местного края. Возглавлял Челябинское общество изучения местного края (1922—1928; ноябрь — декабрь 1929; январь — март 1930). В 1922—1957 гг. директор Челябинского краеведческого музея. В 1957-1959 гг. главный хранитель фондов Челябинского областного краеведческого музея. В 1950-1957 гг. трижды избирался депутатом Сталинского районного (Челябинск) Совета депутатов трудящихся. Автор ряда краеведческих работ (Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Т. 1. Челябинск, 2008. С. 934).

⁹ Голубев Василий Михайлович [24.02(9.03).1887 — 03.1959], педагог, музейный работник. Окончил курс Оренбургской духовной семинарии (1908), прослушал курсы при Пермском педагогическом факультете для преподавателей средней школы по русскому языку и литературе (1929). Преподавал в двухклассной школе с. Буланово Оренбургской губернии (1908—1910), Высшем начальном училище Миасского завода (1910—1916). Инспектор-заведующий Высшего начального училища (впоследствии преобразовано в школу второй ступени) в пос. Еткульском. С 1924 г. в Челябинске: преподаватель русского языка, заведующий учебной частью в различных

мне может дать характеристику секретарь парткомитета обл[астного] архива Рязанов И. М.¹ или Орешкин Т. М., т. к. я работал непосредственно у них на глазах.

В быту в моей семье меня хорошо знает бывший преподаватель, ныне студент института механизации коммунист Григорович К. по работе в школе № 48 на ЧТЗ, где я до исключения работал преподавателем истории, меня может характеризовать бывший директор школы, ныне работник облоно т. Баркан Мих[аил] Евс[еевич] — коммунист. Все лето 1937 г. я был в командировках, в экспедициях вместе с фотографом комсомольцем музея Крымским Ал[ександром] Як[овлевичем]. Он может поэтому дать больше всех характеристику моего поведения и политической настроенности.

Наконец, меня может характеризовать² работники Чел[ябинского] обл[астного] издательства редактора — Блинова Ел[ена] Макс[имовна] и Зданевич Б., с которыми я очень много проработал вместе.

Адрес мой: г. Челябинск, ЧТЗ, 7 участок, 8 дом Инорса³, квартира 55.

П. Мещеряков⁴

ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 74. Д. 1843. Л. 5-14об. Подлинник. Машинопись.

№ 2.

Сопроводительное письмо к апелляционному заявлению П. В. Мещерякова

Не ранее 19 января — не позднее 25 января 1938 г.⁵

Партколллегии обл[астной] комиссии парт[ийного] контроля по Челяб[инской] обл[асти]

От бывшего чл[ена] ВКП(б) Мещерякова П. В., бывшего учителя

заявление

Моя апелляция была написана задолго до пост[ановления] пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии»⁶, но задержалась подача перепечаткой на машинке.

образовательных учреждениях (1924—1934). Работал в Челябинской областной краеведческом музее с июля 1934 г., с декабря 1937 г. заместитель директора. В 1936—1937 гг. председатель оргкомитета по созданию Общества изучения Челябинской области. В связи с сокращением должности в сентябре 1941 г. ушел из музея. Последние годы жизни работал в Челябинском педагогическом институте (Антипин Н.А. Челябинский краеведческий музей. 1913—1957 гг. Челябинск, 2011. С. 166).

¹ Рязанов Илья Макарович [07.1908 — дата смерти неизвестна], архивист. В 1926—1931 гг. ремонтный рабочий ст. Садовая и Банная Юго-Восточной железной дороги, стрелочник ст. Кисловодск Северо-Кавказской железной дороги. С 1931 г. член ВКП(б). По окончании Московского историко-архивного института (1936) направлен в распоряжение архивного управления Челябинской области. В 1936—1937 гг. научный работник, затем заместитель управляющего, с октября 1937 г. управляющий Челябинским областным архивным управлением. В 1939—1942 гг. начальник архивного отдела УНКВД по Челябинской области. В 1942—1943 гг. находился на политработе в УНКВД по Челябинской области, с сентября 1943 г. — в Управлении НКГБ по Челябинской области. Дальнейшая его судьба неизвестна (Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Т. 5. Челябинск, 2008. С. 695).

² Так в документе.

³ Так в документе.

⁴ Далее в документе следует рукописная приписка с перечислением документальных приложений к письму. При публикации опущена.

⁵ Датируется по содержанию документа и рукописным пометам на нем. В документе упоминается постановление пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недочетов», впервые опубликованное 19 января 1938 г. в газете «Правда» (верхняя хронологическая грань). Согласно рукописной помете на полях письмо было получено 25 января 1938 г. (нижняя хронологическая грань).

⁶ Неточность, полное название звучит как «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недочетов».

Я с глубоким, трогательным волнением прочел это решение. Ибо никому оно так не понятно¹ и никому так не дорого, как дорого мне, очень много пережившему благодаря врагам партии, орудовавших в рядах челябинской парторганизации и так много перебивших наши партийные кадры.

С какой прозорливостью вскрываются решением пленума все наши думы, все наши мысли честных коммунистов, исключенных врагами. Я тоже был преисполнен желанием придти и заявить: или арестуйте, или снимите с меня позор.

Я теперь убежден, что с глубоким вниманием будет получен мой вопрос об исключении и будет чутко разрешена моя судьба.

Уже с 7 октября 1937 г., если не считать в это время двухнедельной работы в обл[астном] архиве, я безработный. Я устал от безработицы, от безделья. Вы поймете, насколько это томительно для меня, человека, у которого все 24 часа были в свое время посвящены глубокой партийной, общественной работой. Я сижу целые дни дома, это хуже всякой тюрьмы. Ничто нейдет мне на ум². Я буквально превратился в живой труп³. Меня морально угнетает быть паразитом, жить за перенапряжения труда⁴ и нервов счет своей жены, быть плохим примером бездельника для наших детей учащихся⁵. Мое гнетущее состояние отражается и на них, на их учебе. Наконец, у меня уже ничего нет из моих вещей для продажи, многое уже продано. Вот почему на основании § 9 решений пленума⁶ я прошу Вас дать указание облоно о восстановлении меня на работе в музее или дать указание гороно т. Зайцеву об использовании меня по прямому назначению как учителя-историка. Причина снятия меня с работы указана в апелляции.

Прошу Вас это сделать как можно скорее и о своем заключении о моей работе сообщить мне по адресу: г. Челябинск, ЧТЗ, 7 уч[асток] 8 дом Инорса, кв. 55, Мещерякову П. В.

22/II [19]37 г.⁷

Мещеряков

Резолюция: Направить в о[бластной] к[омитет ВКП(б)] как исключенного при проверке п[артийных] д[окументов,] о чем ему сообщить. 31/I [19]38 г. Ерасов.

Помета: 25/I [19]38 г. 28/I [19]38 г. М-56.

ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 74. Д. 1843.Л. 16-17. Подлинник. Рукопись.

Список литературы

1. Антипин, Н. А. Челябинский краеведческий музей. 1913—1957 гг. / Н. А. Антипин. — Челябинск, 2011. — 224 с.
2. Базанов, М. А. П. В. Мещеряков: «архивный» период творчества (1938—1943) / М. А. Базанов // Архив в социуме — социум в архиве: материалы второй региональной научно-практической конференции / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. — Челябинск, 2019. — С. 28—35.
3. Боже, В. С. Петр Мещеряков: штрихи к биографии / В. С. Боже // Летописцы земли Уральской: материалы к истории челяб. краеведения / сост. В. С. Боже. — Челябинск, 1997. — С. 64—71.
4. Венявкин, И. «Самодопрос» писателя Афиногенова: поиск литературной формы в годы Большого террора / И. Венявкин // Источниковедение культуры: альманах. Вып. 2.— Москва, 2010. — С. 13—26.
5. Королёв, С. Н. К. В. Рындин как типичный представитель партийного руководства 20—30-х годов XX век а: дис. ... канд. ист. наук / С. Н. Королёв. — Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2004. — 257 с.

¹ Слово неразборчиво из-за намокания текста, возможны разночтения.

² Так в документе.

³ Предложение подчеркнуто от руки чернилами того же цвета, что и текст письма.

⁴ Рукописная правка, изначально «перенапряжения в труде».

⁵ Так в документе.

⁶ «9. Запретить неправильную, вредную практику, когда исключенных из ВКП(б) немедленно снимают с занимаемой ими должности. Установить, что во всех случаях, когда оказывается необходимым, в связи с исключением из ВКП(б), освободить работника от занимаемой должности, это освобождение можно производить только после предоставления ему другой работы» [Коммунистическая партия Советского Союза в резолюция и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 7. 1938-1945. М., 1986. С. 17].

⁷ Датировка ошибочна, см. Обоснование датировки в предисловии к публикации и комментариях.

6. Правила издания исторических документов в СССР. — Москва, 1990. — 187 с
7. Хархордин, О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности / О. В. Хархордин. — Изд. 2-е. — Санкт-Петербург, 2016. — 508 с.
8. Хелльбек, Й. Революция от первого лица / Й. Хелльбек // Дневники сталинской эпохи. — Москва, 2017. — 424 с.
9. Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 1—7 / гл. ред. К. Н. Бочкарев. — Челябинск, 2008.

Сведения об авторе

Базанов Михаил Александрович — кандидат исторических наук, главный археограф отдела публикации и научного использования документов, Объединенный государственный архив Челябинской области (ГУ ОГАЧО), Челябинск, Россия. *bazanov.86@mail.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 2. P. 172—191.

World outlook of provincial intelligentsia in the Great terror: some documentary portrait traits of Chelyabinsk local historian P.V. Meshcheryakov

M.A. Bazanov

Joint State Archive of the Chelyabinsk Region (GU OGACHO), Chelyabinsk, Russia.
bazanov.86@mail.ru

The article presents the appeal statement on the restoration in the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the supporting letter to it by the Chelyabinsk local historian Pyotr Vasilyevich Meshcheryakov (1904-1960). Formally being related to clerical documents, it describes psychological experiences of the author and gives his life path in detail, so that it can equally be considered a type of autobiography. The document conveys emotional experiences of the member of Soviet provincial intelligentsia who, on the eve of the Great Terror, was expelled from the party on a formal basis — due to his father's three-month stay in the police service in 1906. P.V. Meshcheryakov describes in detail the professional failures that resulted from this expulsion and resulted in his unemployment. He points out that his desire to restore his reputation motivated him for creative activity after the expulsion. The source also reveals his complex ambiguous attitude to political repressions. The documents can serve as a vivid illustration of the psychological state in which some Soviet intelligentsia found themselves in the years of the Great Terror.

Keywords: Pyotr Vasilyevich Meshcheryakov, Soviet subjectivity, appeal, autobiography, Great Terror, All-Union Communist Party (Bolsheviks), expulsion from the party, reinstatement in the party, purge, enemy of the people, sabotage, regional studies.

References

1. Antipin N.A. *Cheljabinskij kraevedcheskij muzej. 1913—1957 gg.* [Chelyabinsk Museum of Local Lore. 1913—1957]. Cheljabinsk, 2011. 224 p. (In Russ).
2. Bazanov M.A. P. V. Meshcheryakov: “arhivnyj” period tvorchestva (1938—1943) [P.V. Meshcheryakov: “archival” period of creativity (1938—1943)]. *Arhiv v sociume — socium v arhive* [Arhiv v sociume — socium v arhive]. Cheljabinsk, 2019. Pp. 28—35. (In Russ).
3. Bozhe V.S. Petr Meshcheryakov: shtrihi k biografii In Bozhe [Petr Meshcheryakov: touches on biography]. *Letopiscy zemli ural'skoj: materialy k istorii cheljabinskogo kraevedenija* [Chroniclers of the Ural Land: Materials for the History of Chelyabinsk Local Lore]. Chelyabinsk, 1997. Pp. 8—32. (In Russ.).
4. Venjavkin I. “Samodopros” pisatelja Afinogenova: poiskliteraturnoj formy v gody Bol'shogo terror [“Self-interrogation” of the writer Afinogenov: the search for the literary form in the years of the Great Terror]. *Istochnikovovedenie kul'tury* [Source study of culture]. Vol. 2. Moscow, 2010. Pp. 13—26. (In Russ).
5. Koroljov S.N. K. V. Ryndin kak tipichnyj predstavitel' partijnogo rukovodstva 20—30-h godov XX veka [K. V. Ryndin as a typical representative of the party leadership of the 20—30s of the XX century]. Thesis. Cheljabinsk, 2004. 257 p. (In Russ).
6. *Pravila izdanija istoricheskikh dokumentov v SSSR* [The rules for the publication of historical documents in the USSR]. Moscow, 187 p. (In Russ.).
7. Harhordin O.B. *Oblichat' ilicemerit': genealogija rossijskoj lichnosti* [Reveal and hypocrite: genealogy of the Russian personality]. St. Petersburg, 2016. 508 p. (In Russ).

8. Hell'bek J. *Revoljucija ot pervogo lica. Dnevnik stalinskoj jepohi* [First-person revolution. The diaries of the Stalin era]. Moscow, 2017. 424 p. (In Russ).

9. *Chelyabinskaja oblast': v 7 t. T. 1—7* [Chelyabinsk region: in 7 vols. Vol. 1—7]. Chelyabinsk, 2008 (In Russ).